

АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

КРАСНОДАРСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

АРМАВИРСКИЙ ИНСТИТУТ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ

ПРАКТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ КРАЕВЕДЕНИЯ. Вып. 3.

Г. Г. МАШКОВИЧ

ДОБРОСОВЕСТНЫМИ

СВОИМИ

ПОСТУПКАМИ..."

Краснодар-Армавир
1995

АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

КРАСНОДАРСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

АРМАВИРСКИЙ ИНСТИТУТ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ

Г. Г. МАШКОВИЧ

"ДОБРОСОВЕСТНЫМИ

СВОИМИ

ПОСТУПКАМИ..."

Под редакцией и со вступительной
заметкой академика МАИ и АИП
В. Б. ВИНЮГРАДА

Краснодар-Армавир

1995

Армавирский госпединститут. Кафедра всеобщей истории. Г.Г.МАШКОВИЧ. - 1995.

Этот небольшой биографический очерк об "исправляющем должность" наказного атамана Черноморского казачьего войска Г.А.Рашпиле написан старейшим работником исторического факультета Кубанского госуниверситета, доцентом кафедры истории древнего мира и средних веков Гиндой Григорьевной Машкович - опытным медиэвистом и специалистом в области библиографии нашего региона. Скрупулезнейший, исключительно увлеченный своей работой человек, Г.Г.Машкович последние годы неутомимо работала в фондах Государственного архива Краснодарского края, выявляя, накапливая, систематизируя, исследуя новые ранее неизвестные пласты документальных источников, проливающих свет на слабоизученные страницы кубанского прошлого и малоизвестные лица региональной истории.

Автор прав, подчеркивая "скудность литературных свидетельств о Г.А.Рашпиле, как о человеке и государственном деятеле". В сущности, свидетельства эти перекочевывают из работы в работу, где и кем бы они не издавались (см., например: Кавачий словарь-справочник. Т.Ш.Сан Ангельмо, Калифорния.США. 1970.С.20-21; Кубанский краевед. Ежегодник. Вып.3.Краснодар. 1993.С.78-81. Там и портрет атамана). Большая заслуга Г.Г. Машкович состоит в том, что ей удалось существенно обогатить наши знания привлечением архивных данных столь же достоверных, сколь и выразительных.

Издание рассчитано на те слои читателей Краснодарского края и всего Ура России, которых интересуют проблемы регионоведения, в том числе истории Кубанского казачества.

В.Б.ВИНОГРАДОВ,
зав. кафедрой всеобщей истории АГПИ,
профессор, доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки России.

Войсковой атаман Черноморского Казачьего войска,
Григорий Антонович Рашпиль (1801-1871 г.г.)
и его роль в нормализации межнациональных отношений
на Северо-Западном Кавказе в 40-50-ых годах
XIX столетия

Исполнявший должность наказного атамана Черноморского Казачьего Войска, начальник штаба войска, командующий Черноморской кордонной линией генерал-лейтенант Рашпиль занимал видное место в ряду лучших атаманов войска. По словам Ф.А. Щербины "Рашпиль был передовым человеком своего времени, с широкими гуманными взглядами на отношения людей, с жадной светом и знания, и честного, безукоризненного поведения в своей служебной деятельности. Рашпилю никто не мог упрекнуть ни в самодурстве, ни во взяточничестве, ни в малейшей податливости из-за личной карьеры и интересов". В таком же ключе писали о нем его друг и соратник И.Д. Писка и, младший современник Е.Д. Фелицын.

Тем более необъяснимо, что ни жизнь, ни деятельность, ни самая личность Рашпиля не нашли должного отражения в историко-краеведческой литературе. До сих пор остаются приоритетными биографические очерки И.Д. Писка и Е.Д. Фелицын а также десятки страниц, отведенных ему Щербиной в его классическом труде "История Кубанского Казачьего войска". В современной историко-краеведческой литературе пальма первенства принадлежит доктору исторических наук М.В. Покровскому, автору монографического исследования "Русско-адыгейские связи", опубликованному в 1957 году. Подчеркивая заслуги Г.А. Рашпиля в борьбе за развитие широких экономических связей между русским населением Черномории и закубанцами, автор монографии подверг объективной критической оценке политику Рашпиля в этом направлении как "колониально-фритредерскую". Научная заслуга М.В. Покровского также и в издании им в соавторстве с А.О. Хоретлевым в 1957 году сборника документов по теме его исследования. Не приходится доказывать ценность этой публикации для организации дальнейших исследований в этой области.

Скудность литературных свидетельств о Г.А. Рашпиле, как о человеке и государственном деятеле, компенсируется богатством документальных материалов, сокрытых в Фондах Государственного архива Краснодарского края (ГАКК). Основную их массу составляют документы, характеризующие его деятельность "по гражданской части": официальная переписка с высшими центральными и местными чинами; с подчиненными ему начальниками частей кордонной линии и другими должностными лицами, а

также с мирными адыгейскими князьями и дворянами, состоящими на русской военной службе; разнообразные, им лично, разработанные, циркуляры, инструкции, предписания, в качестве руководства к действию, адресованные должностным лицам, обслуживающим кордонную линию и др. Часть этих материалов вошла в упоминавшийся нами выше, сборник документов: "Русско-адыгейские связи". К сожалению, Рашпиль не оставил после себя ни дневников, ни мемуаров (хотя и владел литературным словом), ни личной переписки, что обедняет представление об образе его жизни в быту, о строе его мыслей и чувств, о его семье.

Генерал-лейтенант Г. А. Рашпиль, потомственный казак, с 14 лет записанный в казаки, сын дворянина черноморского войска, хорунжего Антона Рашпиля, был личностью далеко незаурядной, в чем-то даже феноменальной. Не получив в детстве никакого образования, кроме домашнего (по казачьей традиции того времени), он в силу своей природной одаренности, гибкости и пытливости ума, неизбывной энергии и инициативности, самообразованием достиг такой степени компетентности, мудрости и житейского опыта, которые принесли ему, с легкой руки Щербина, славу "генерала-самоучки".

Неоспоримое влияние на формирование личности Г. А. Рашпиля, как и на становление его как кадрового военного, сыграли 25 лет (1817-1841 годы), прожитых им в Петербурге. Шестнадцатилетним юношей он был командирован в столицу Российского государства, для несения службы и подготовки к офицерскому званию, в лейб-гвардии 7-ой эскадрон Черноморского казачьего войска. Служба в царском конвое, постоянное пребывание при дворе, участие в заграничных походах царской армии, сам Петербург с его неповторимой культурой, не могли не наложить отпечаток на его духовное созревание, открыли перед ним широкий горизонт миропонимания и мировидения. Сказались они и на всем его облике. В Петербурге же он поднялся вверх по иерархической лестнице офицерских чинов от корнета до генерал-майора.

В 1841 году, генерал-майор Г. А. Рашпиль был направлен на службу в Екатеринодар, в качестве начальника войска и командующего Черноморской кордонной линией. В 1844 же году к его двум командным постам был присоединен еще и третий - Исполняющего должность атамана Черноморского казачьего войска. Это новое назначение связано было с тем, что наказному атаману Генерал-лейтенанту Н. С. Заводовскому, поручено было, одновременно, и командование войсками на Кавказской линии и в Черномории.

О Григории Антоновиче Рашпиле, соединившим в своих руках все три, действующие в Черномории властные структуры можно говорить и писать в разных аспектах - как о боевом и строевом офицере, многократно награжденном за боевые, а особенно за строевые заслуги чинами и знаками отличия; как о "превосходном администраторе", оставившем значительный след в социально-экономическом, политическом и культурном развитии Черноморского общества; о его заслугах в разрешении остроящейся, в рассматриваемое нами время, проблемы межнациональных отношений. Этот последний вариант и избрал автор данной статьи. Цель и задача работы - обосновать, в меру своих возможностей, приоритетную роль Рашпиля, для которого долг и собственные убеждения - превыше всего, в осуществлении государственной задачи сближения России с горскими народами Северного Кавказа, через развитие мирных торговых сношений с ними, в условиях непредвиденно затянувшейся Кавказской войны.

Сложность сложившейся в регионе в 40-х - 50-х годах экстремальной ситуации состояла в упорном сопротивлении так называемых "немирных" племен, отказывавшихся признавать действительными условия Адрианопольского договора 1829 г. и колеблющуюся позицию мирных племен. Их провоцировали на неповиновение исламское духовенство и феодальная верхушка адыгейских князей и дворян. Этим последних подстрекали Османская империя, жаждущая реванша и, некоторые западные державы, всемерно противившиеся утверждению России на Кавказе и черноморском побережье. Чрезвычайность положения требовала взвешенного решения выхода из кризиса. После длительного противоборства точек зрения, в высших правящих кругах возобладало мнение сторонников изменения тактики ведения войны, а именно не отказываясь от силовых средств приведения закубанцев к покорности, объединить их с мерами экономического и дипломатического характера. Идея эта материализовалась в принятом правительством нового внешне-политического курса, ориентированного на развитие мирных торговых отношений русского населения Черномории с их левобережными соседями в форме взаимовыгодной ценовой торговли. Соображение это давно висело в воздухе. Еще в 1809 году адмирал Черноморского флота де Траверсе писал наказному атаману полковнику Ф.Я. Бурсаку: "Употребите все средства, какие по местному усмотрению действительными признаете, к привлечению к нам дружбы и доверенности сих народов, особенно чрез торговые феномены". Об этом же писал в 1839 году

начальник Черноморской береговой линии граф Н. Н. Раевский, директор Азиатского департамента МИД России Родофиникин и другие. Ставка на торговлю как на вернейшее средство скорейшего окончания войны имела еще и скрытый подтекст - успешной торговлей с закубанцами отлучить их от турецких торговцев с их товарами и тем пресечь возможность турецкого на них влияния. Эта новая внешне-политическая акция русского царизма была поддержана большим числом служивших на Кавказе радикально мыслящих военных деятелей. В их числе князь Воронцов М. С. - главнокомандующий войсками на Кавказе с неограниченными полномочиями, барон Розен - генерал-адъютант, командир отдельного Кавказского корпуса, вице-адмирал Серебряков, граф Раевский Н. Н., Г. А. Рашпиль и многие другие. Разделяя стремление русского царизма к присоединению Кавказа они, вместе с тем были противниками крайних, насильственных мер принуждения горцев к покорности. Общую их позицию выразил в ряде своих устных и письменных выступлений Рашпиль. Сведенные воедино они составляют логично выстроенную концепцию нормализации отношений между Россией и горцами Северного Кавказа.

"Будучи ближайшими и давними соседями с закубанскими горцами; говорил он, критикуя своих оппонентов, мы по необходимости знакомимся с ними и известны им, большей частью на попроще оружия, тогда как между соседями должны быть отношения другого рода".

Развивая многократно эту мысль, он ссылаясь на авторитет М. С. Воронцова, полагавшего, что нет более благоразумного и миролюбивого сближения с горцами и усмирения их, как посредством торговли. Свою убежденность в правоте отстаиваемого им тезиса, Г. А. Рашпиль подкреплял его одним доводом - "Горцы хотя и враждуют с нами, но они нуждаются в нас ... в том отношении, что от нас только могут приобрести все необходимое, если не для существования, то по крайней мере для удовлетворения первых нужд существования". Следовательно, утверждает он - "возможность и даже необходимость торга между нами вполне очевидна". Не ставя на сказанном точку, Рашпиль касается другой стороны вопроса о меновой торговле с горцами. Он ставит его в плоскость свободы торга. Аргумент, который он при этом выдвигает, мы оцениваем как концептуальный: "Закубанские горцы издавна находятся в торговых с нами отношениях через пограничные меновые двory, но немногим из них известны выгоды свободной торговли на наших базарах. (Речь идет об открытых по настоянию Рашпиля весной 1845 г. вольных черкесских базаров вне меновых дворов). Дабы ознакомить их с этими

выгодами, как источника народного довольства и тем расположить и убедить в потребности сближения с нами, необходимо, чтобы они допущены были к свободной торговле - в виде опыта во время Благовещенской ярмарки в гор. Екатеринодаре." В приведенных нами высказываниях Рашпиля, вырисовывается та позиция, которой он неотступно следовал, борясь за ее реализацию в практике развития экономических связей с закубанцами.

Распоряжением свыше, руководство меновой торговлей в Черномории было поручено Г.А. Рашпилю, что вполне логично поскольку как командующий кордонной линией, он был в эпицентре русско-адыгейских торговых сношений.

Меновая торговля русского населения Черномории с закубанцами - не изобретение времени, а фактор, издавна действующий в регионе. Она завязалась стихийно в последние годы 18-го века, едва ли не с момента поселения черноморцев в степной полосе правобережья р. Кубань. По началу она носила форму добрососедской мены соли, которой недоставало жителям левобережья реки, на хлеб, лес и другие предметы потребления и обустройства, необходимых новоселам для выживания. Со временем обменные отношения становились делом столь привычным и выгодным, что войсковое правительство установило свою монополию на мену. Для этой цели на приграничной полосе кордонной линии были учреждены войсковые меновые дворы для торговли с горцами. Первый меновой двор был открыт в 1794 году в гор. Екатеринодаре. При Павле I-ом система меновых дворов как форма торговой связи России с горскими народами Северного Кавказа, была узаконена и взята под опеку и контроль высших российских правительственных структур. Постепенно меновые дворы обросли торговыми местами и зданиями, таможенными и карантинными службами и, в целом составили единый комплекс, монополично владеющий правом меновой торговли с горцами. Войсковые меновые дворы Черномории были весьма своеобразным организмом, не знающим аналогов. По своей структуре и механизму обменных операций они носили замкнутый, военно-административный характер. Заведовали меновыми дворами смотрители из числа войсковых офицеров, назначаемых войсковыми властями, с представлением им широких "надзирательных и распорядительных" функций. Как и всякая торговая монополия, обменная процедура на меновых дворах, исключала свободное торговое партнерство. Она осуществлялась не из первых рук, а только при посредничестве смотрителя. Статус войсковых меновых дворов был весьма откровенно

определен наказным атаманом войска генерал-лейтенантом Н. С. Завадовским в его рапорте командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту Граббе от 2 июня 1838. "жители Черноморского войска, на меновых дворах не могут производить с горцами мены, ибо меновые дверы по высочайшим привилегиям и грамотам, жалованным войску, учреждены для войсковых доходов, а не для жителей, и, без высочайшей воли управления оных, изменить невозможно". А дальше следовала квинтэссенция косной позиции Н. С. Завадовского решительного противника свободы горга - и - если уж вовсе будет воспрещено пропускать соль на Черноморских меновых дворах (то-есть, если меновые дворы будут закрыты Г.М.), то войско лишится значительного источника доходов и более всего как войско, так и жители поставлены будут в величайшее затруднение, насчет приближения лесных строительных материалов которые для отапливания госпиталей, богоделен и присутственных мест, только и получаются от закубанцев".

Пространственно территория рынка была ограничена меновым двором, со строжайшим запретом совершать сделку за его пределами. Единицей обмена служила соль. Все расчеты производились в солевых измерениях, по таксе, установленной смотрителем. Условия переправы на правый берег, а также условия и правила торговли, перечень предметов, которые допускались к правозу из-за Кубани, и вывозу купленных горцами товаров на меновом дворе, строжайшим образом регламентировались.

Установившийся порядок меновой торговли открывал широкий простор для беспредельного произвола, чинимого смотрителями, чиновниками таможенной и кордонной службы и другими должностными лицами, обслуживавшими кордонную линию. На меновых дворах царили лихоимство, воровство, вымогательство, неуважительное и даже грубое обращение с черкессами, переправляющимися на кордон по торговым делам.

Нельзя не признать, что высшие чины войсковой администрации не боролись с этим злом. В сохранившихся документальных материалах часто встречались нарекания в их адрес, в духе - "не обижать, не раздражать, соблюдать доброхотство, ласкою, признанным образом обходиться", но они оставались, как и предупреждения о наказаниях, мало результативными. В то время, нельзя не признать и то, что в первые десятилетия своего существования, меновые дворы сыграли определенно положительную роль в повышении жизненного уровня и культуры хозяйствования русского и горского населения Черномории и Северо-западного Кавказа.

К середине прошлого столетия меновая торговля, все больше вторгаясь во все сферы жизни населения Черномории и Закубанья, подтачивала натурально-хозяйственную основу их повседневного быта. Она рождала новые реалии: возрастающую роль денежного обращения в меновой торговле горцев с русскими, появление в казачьей среде "торгующих казаков", часть которых входила в состав, созданного в 1842 году, Войскового торгового общества казаков Черноморского (Кубанского) "Казачьего войска", что освобождало их от военной и гражданской службы (занятие торговлей засчитывалось им за службу); вступление на путь самостоятельной торговой деятельности фюкотля - средне зажиточного свободного общинника, "простого черкеса", как их называли в ведомостях торговых оборотов меновых дворов, все более интенсивное экономическое проникновение на черноморский рынок русских промышленников.

Однако, поступательный ход развития русско-закубанских торговых связей искусственно задерживался, действующей в Черномории, но явно теряющей свою эффективность, войсковой торговой монополией, не допускающей, альтернативную ей свободу торга. По образному выражению М. В. Покровского "ясно было одно, что как прежняя система торговли, базирующейся на базе войсковой монополии, так и откупная система, в 40-х годах XIX века была уже дырявыми мехами, сквозь которые просачивалось капиталистическое торговое предпринимательство".

Негативная реакция торгующих сторон на исключительность меновых дворов в их взаимном торговом общении, принимала различные формы недовольства: учащаеся потока поступающих в войсковое дежурство на имя Рашпиля жалоб на чинимые смотрителями и таможенными чиновниками притеснения; нескончаемые просьбы князей и дворян о ссуде им хлеба и соли и о допуске их подданных на екатеринодарские рынки и в станицы; нелегальные обменные сделки между жителями станиц и аульчанами в обход меновых дворов. Эти и другие формы бойкота меновых дворов вели к сокращению их оборотов, что ущемляло материальные интересы войска. Более того, они не только мешали сближению России с горцами, а напротив, нагнетали конфликтную ситуацию.

Став перед этим фактом, правящие круги России пришли к осознанному пониманию необходимости выволить меновую торговлю с горцами из стеснительных уз войсковой торговой монополии. В 1842 году была образована правительственная комиссия для выработки нового, более совершенного законоположения и правил для меновой торговли с горцами.

Из местных деятелей, в состав комиссии были включены оба атамана - Н. С. Заводовский и А. Г. Рашпиль, два антипода. Однако работа комиссии затянулась на долгие годы. Уж очень противоречивыми были позиции членов комиссии. Главным предметом разногласий был вопрос о войсковой торговой монополии - за и против ее сохранения.

А пока, Рашпиль, человек решительный, деятельный решил воспользоваться образовавшейся паузой и не дожидаясь конца работы комиссии испробовать на практике, в виде опыта, реализовать свое понимание выхода из кризиса.

Ранней весной 1845 года, он добился официального разрешения на открытие у меновых пунктов при некоторых постах (а не при меновых дворах) кордонной линии сатовки-вольные, кратковременные черкесские базары для обмена зернового хлеба и проса на черкесский мелкий лес и изделия из него. Побудили его к этому стихийные бедствия не по сезону обрушившиеся на район компактного проживания горцев, и частью на станицы. В сочетании с тучей налетевшей саранчи, жители многих аулов были поставлены, в буквальном смысле, на край голода. Сила бедствия была столь велика, что аульчанам приходилось сбрасывать с крыш их жилищ солому для прокорма скота. Руководствуясь гуманными и военно-тактическими соображениями, он писал начальнику одной из частей кордонной линии подполковнику Крыжановскому, извещая его об открытии трех свободных рынков для промена хлеба на лес, что эта мера "важна во многих отношениях. Она должна успокоить народонаселение мирных аулов, тревожимых нуждой". Готовясь к проведению этого смелого эксперимента и предвидя противодействие ревнителей монополии, Рашпиль придает его гласности. Аульчане были предупреждены через старшин, а жители станиц и курторов были оповещены через станичные правления. И те и другие были поставлены в известность о месте проведения сатовки, о времени и сроках, и об условиях - "только мена и только хлеб на лес". И те и другие были удовлетворены как тем, что торг состоится вне меновых дворов, так и тем, что обезоружены смотрители - мудрость Рашпиля проявилась в распоряжениях содержащихся в предписании 10-ти станичным правлением и Крыжановскому. По получении предписания немедленно сделать учреждение рынков гласным. Во-вторых, - отвести места для рынков в некотором отдалении от меновых дворов и - объявить смотрителям дворов, "чтобы никто и из их комиссаров не только не вмешивался в учреждаемую вольную мена, но даже и не приближался к месту ее производства". К каждому рынку посылать благонамеренного и

бескорыстного офицера, который смотрел бы за порядком мены, и в особенности ограждал рынки от присутствия зрителей меновых дворов и вел бы счет привозу и отпуску, для представления отчетности. В послании станичным правлением он предлагал их руководителям известить всех жителей станиц и хуторов об этих рынках на которых "всякий кому нужно, может приобрести какого угодно леса гораздо сходнее, чем на меновых дворах, и вести туда хлеба, проса и других родов зерна, кроме жита, которое черкессам не нужно. А дальше, он как рачительный хозяин, подает станичным начальникам совет, - "а как у нас самих урожай хлеба скудный, то следить, чтобы жители не везли много хлеба на мену, а те у кого запас хлеба небогатый, мог бы и не ездить на черкесские рынки". Он советовал внушить жителям, "чтобы они при мене с черкессами, крепко торговались и "дорогое в наше время зерно высоко ценили". И наконец, "так как леса на рынке будет больше, чем хлеба, то никакой не будет перебивать одному - другого". Завершил он это послание обычным напоминанием в подобных случаях - "на эту мену черкессы должны смотреть как на милостыню, которую мы им подаем в нужде".

Известие о возможности вести мену на новых началах получило широкий резонанс как в аулах, так и в станицах и хуторах. Судя по официальным данным обменный процесс протекал успешно, без каких либо эксцессов. Посетители уходили с базаров удовлетворенными. Но ... не до конца. Войдя во вкус свободной, хотя и ограниченной, свободы торга, они возжелали большего. На данном этапе - увеличения числа сатавок, перехода к денежному обращению и расширению предметов торга. Каким ни строгим был контроль, они умудрялись его обходить, явочным порядком переходить от мены к продаже за деньги и более широкому кругу оборачивающихся на рынке товаров. Рашпиль вынужден был это признать и, все же, счел эксперимент удавшимся и повторил эту акцию экспериментом непреходящего значения. В марте 1845 года он, с санкции М.С. Воронцова разрешил закубанцам свободный, беспошлинный доступ к участию на предстоящую в гор.Екатеринодаре Благовещенскую ярмарку, на условиях равного партнерства (в Екатеринодаре ежегодно проходили три ярмарки - Благовещенская, Троицкая и Покровская). По оценке Щербины, и сатовки и черкесские ярмарки явились поворотным моментом в истории торговли России с горцами Северо-западного Кавказа. Для Рашпиля наступила горячая пора интенсивной правотворческой и организационной подготовки к этому знаменательному событию. Необходимо было спроектировать модель и сценарий проведения этой не знающей аналогов ярмарки. Вот когда с

полной силой проявились его блестящий организаторский талант, сила творческой его мысли, исключительная работоспособность и присущий ему дипломатический такт. Ярмарка была назначена на 20-ое марта. 13 марта он едет в Керчь по приглашению Воронцова с отчетом о ходе меновой торговли с горцами. Визит оказался полезным и удачным для Рашпиля. В ходе беседы, наместник одобрил его действия и намеченные планы и напутствовал "прежде всех других мер к усмирению горцев, испытать решительные меры благоразумного миролюбивого сближения с ними, преимущественно посредством торговли". В заключении аудиенции М.С.Воронцов поручает Рашпилю "распространить среди горцев его воззвания к миру. Ободренный приемом, Г.А.Рашпиль в течении нескольких оставшихся дней продумывает план подготовительных действий и готовит соответствующие циркуляры, предписания, инструкции всем лицам, задействованным по их положению, к их реализации. Память об этом хранят черновые копии этих и других документальных материалов, подтверждающих его авторство.

18 марта, он в порядке выполнения поручения наместника, совершает удачный дипломатический маневр - лично встречается на одном из постов кордонной линии со старшинами аулов бжедужского племени и в присутствии приглашенных Эффенди Исмаила, полковника князя Могуковова и дворянина штабс-офицера Сагат Гирея. Выступая перед гостями, он знакомит их со своими воззваниями, с просьбой распространить их среди своих соплеменников. Одновременно, он извещает собравшихся о намерении допустить закубанцев на предстоящую ярмарку и о порядке их пропуска через р.Кубань на морден "по торговым делам":

1. Переправляться с левого берега реки на правый можно только в назначенных для этого местах при постах кордонной линии.

2. Соблюдать требуемые таможенные и карантинные правила и не провозить в горы российские ассигнации, банковские кредитные и депозитные билеты и всякого рода оружие.

3. После прохождения досмотра, являться к постовому кордонному начальнику для получения пропускного билета. На обратном пути, после повторения досмотровой процедуры, пропускной билет возвращается начальнику.

4. Следовать на ярмарку разрешалось только партиями, состоящими из поаульно соединенными обозами арб, груженных товарами. Каждую партию должен сопровождать аульный старшина, несущий ответственность за добропорядочность людей, сопровождающих арбы.

5. Запрещается являться на переправу верхом на коне и вооруженным. Имеющиеся при горцах оружие надлежало складывать на постах до возвращения в родные аулы. Правило это не распространялись на мирных князей и дворян и сопровождающую их свиту.

Эффект был впечатляющим: старшины не только выразили свое удовлетворение, полученной информацией, но внесли свое контр-предложение - выделить из своей среды 5 выборных старшин, которые должны "составлять на ярмарке опеку над торговым обществом закубанцев," и выставить 12 всадников "из благонадежнейших людей", которые вместе с караульной службой обеспечили бы спокойствие и благочиние в торговом стане закубанцев, на весь период ярмарочных дней. Предложение старшин было принято с благодарностью.

В этот же день он разослал начальникам всех 4-х частей кордонной линии циркуляр о порядке пропуска горцев на ярмарку и сценарий подготовки и проведения ярмарки, ее деловой и увесилительной программы 19-го марта, в канун открытия ярмарки, он шлет по этим же адресам, четкие, до мельчайших деталей продуманные, распоряжения, необходимые для своевременного открытия ярмарки. К примеру: "Для учреждения ставки принять от зрителя войскового цейхгауза есаула Щербины 8 палаток; ставку приготовить к вечеру 20-го числа; в ставку будет приходиться музыка 21-го, 23-го, 24-го. Об этом уже дано знать войсковому капельмейстеру. Обовсем уже извещен полицмейстер гор.Екатеринодара с тем, чтобы он со своей стороны содействовал достижению желаемой цели, т.е. тишины и спокойствия и т.д".

20-го марта в назначенный час состоялось торжественное открытие первой екатеринодарской ярмарки, в присутствии Рашпиля и почетных гостей. Оно ознаменовалось приветственным словом войскового начальника черкесского стана и поднятием стяга ярмарки под звуки полковой музыки и криков "ура" на двух языках.

Черкесские ярмарки, как это было задумано Рашпилем, располагались на специально отведенном для них месте на ярмарочной площади каждой из трех екатеринодарских ярмарок, образуя, таким образом, отдельный черкесский стан. В центре стана стояла палатка временного воинского начальника стана. Он назначался войсковой администрацией из числа офицеров войска для наблюдения за ходом торговли и обеспечения правопорядка на ярмарке. К ставке был приставлен шест с водруженным на него стягом ярмарки. Рядом с ней стояла палатка "черкесской палаты", в составе 5 выборных аульных

старшин и одного муллы в помощь начальнику ставки и координации совместных действий по обеспечению тишины и спокойствия на ярмарке.

В качестве предохранительной меры и Вашего спокойствия, начальнику стана придавался караул -160 человек пехоты и 50 конных казаков, с соответствующим числом офицеров и урядников, а также музыкальная команда. Караульная служба была усилена еще и 12 черкесскими всадниками благонадежного поведения. Они избирались прямо на ярмарке, самими торгующими горцами. Пешие караулы располагались на ярмарочном плацу в специальных палатках. Кавалерия же укрывалась в кустах "Круглика" для ночных разъездов. Меры предосторожности возымели свое действие: - конфликтные ситуации были редким явлением на черкесских станах. А если и случались, то разбирались на паритетных началах. Совместно начальником стана и управой. Немалую роль для создания на ярмарке благожелательной и даже праздничной атмосферы играла музыкальная команда. Она активно участвовала в торжественном ритуале открытия и закрытия ярмарки и в ежевечерней праздничной программе, с участием акробатов, бродячих актеров и импровизированной горской и казачьей самодеятельности.

С этого момента черкесские ярмарки на долгое время стали постоянной составной частью екатеринодарских ярмарок.

Тем временем, к январю 1846 года правительственная комиссия завершила свою работу. 9 февраля, утвержденные ею проекты двух новых законодательных актов: общее "Положение о меновой торговле с горцами на Кавказской линии и в Черномории" и "Правила для меновой торговли с горцами на черноморской кордонной линии", были подписаны Николаем 1-ым и введены в действие, на правах закона.

"Положение" - общегосударственной важности документ, юридически обосновавший и закрепивший, уже фактически действующий новый порядок меновой торговли. В преамбуле к нему, как и в предыдущих положениях, декларировалась приверженность правительства к установлению постоянных меновых отношений с горцами, в форме взаимовыгодной меновой торговли. Подчеркнута была и их цель: "посредством оных приобрести доверие горцев и ознакомить их с разными необходимыми и полезными для них потребностями". В констатирующую же часть закона, были несены изменения, предвещавшие конец войсковой торговой монополии. Это: централизация и бюрократизация управления меновой торговлей и, закрепленное законом, сосуществование двух ее форм - меновых дворов и свободных рынков.

Отныне, руководство и управление меновой торговлей сосредотачивается в руках наместника, с предоставлением ему самых широких полномочий. Свою миссию он осуществлял через, непосредственно подчиненного ему и действующего от его имени, главного попечителя меновых отношений с горцами. Для этой цели ему был придан широкий штат чиновников, включая и смотрителей меновых дворов. Войсковой же администрации отведена скромная роль - наблюдение за ходом торговли, регулярный отчет о ее состоянии и охранение на меновых дворах спокойствия и безопасности".

Буквой закона попечителю вменялось в обязанность: "1. привлекать на меновые дворы торговый и промышленный классы из русских жителей с товарами потребными для горских народов". 2. Оградить горцев от всяких притеснений, обманов, и подлогов и "чтобы добросовестными своими поступками вселить в них полную к нам доверенность и охоту сближения с нами".

Существенно важное значение для развития и расширения торговли России и русского населения Черномории с закубанцами, имели статьи "Положения", ограничивающие монополию меновых дворов: утверждений свободных торгов, уже введенных Рашпилем к моменту принятия "Положения" в практику торгового общения русских с закубанцами. Узаконения денежного обращения в меновой торговле, но только в русской валюте; расширение ассортимента горских товаров, допускаемых к обмену на русские. Подробный их перечень приложен к "Приложению". Наконец, впервые в истории русского законодательства о меновой торговле с горцами, были взяты под защиту закона права, привилегии и преимущества русских промышленников, заинтересованных в торговле с горцами Северного Кавказа.

Новый закон о меновой торговле в Черномории, лег в основу правил о торговле с горцами на Черномоской кордонной линии. Комиссии было представлено два их проекта. Один, предложенный Заводовским и его сторонниками, горой стоящими за консервацию устаревшей, явно несостоятельной монополии меновых дворов. Другой - выдвинутый Рашпилем и его единомышленниками. Комиссия остановилась на проекте Рашпиля, приняв его с некоторыми изменениями. Общая тональность рашпилевского проекта сконцентрированно выражена в следующих статьях: 3-я статья - "к привозу на меновые дворы для сбыта горцам, допускаются все товары и вещи как собственно российские, так и иностранные, очищены пошлинною, исключая российских банковых ассигнаций, кредитных и депозитных

билетов, и огнестрельного и холодного оружия и военных снарядов - пороха, серы и т.д.". Горцы могут привозить и менять свободно и бесповторно, все их товары и произведения, согласно перечню.

6-ая статья - разрешает торгующим русским промышленникам, устраивать при меновых дворах лавки и торговать в них. Мелким городским торговцам разрешено было по истечении 3-х лет постоянной торговли на меновых дворах записываться в купцы 3-ей гильдии, с освобождением от гильдейских сборов.

7-ая статья - "Промен товаров, как горского, так и русского происхождения предоставляется свободной воле торгующих (а не смотрителя, Г.М.) по собственному их оценности предмета соглашению. Исключительное право на производство торговли никому дано быть не может".

8-ая статья, особенная - венец уступок Рашпиля "Горцам предоставляется полная свобода сбывать свои товары и изделия на меновых дворах или провозить их через карантинные заставы внутри области. Всякое затруднение в таком свободном провозе горских товаров, исключая лишь необходимого осмотра их и очищения по карантинным и таможенным правилам, запрещается и подвергает виновных в том строжайшей ответственности".

9-ая статья - тоже необычная новой формой общения русских и горских участников обменной торговли: "На меновых дворах русские промышленники и горцы могут производить торговлю во всякое время. Кроме того, для большего оживления торга и привлечения торгующих, будут назначены общие съезды к меновым дворам в нарочито определенные дни, по ближайшему соображению удобства этих сроков для горцев и русских промышленников". - Вот уж где равное партнерство, так долгожданное.

В остальных статьях правил - перечисляются те российские и горские товары, которые не допускаются к привозу на меновые дворы для свободного и бесповторного их сбыта.

Ряд статей устанавливает порядок рассмотрения возможных конфликтов и провокаций, включен в правило призыв к торгующим соблюдать добросовестность и справедливость.

Нельзя пройти мимо 15-ой статьи, которую мы рассматриваем как еще один штрих, дополняющий словесный портрет Г.А.Рашпиля. "При всех разборах на меновых дворах, приемлется в уважение народные обычаи горцев, и вообще, им оказывается всевозможное покровительство и защита

от несправедливостей и обид по торговле. Разборы споров и жалоб относящихся до торгового оборота, оканчиваются без промедления, чтобы в ожидании решения их, ни горцы, ни русские, отнюдь задерживаемы при меновых дворах не были".

Акцентируя внимание законодателей и будущих исполнителей закона на необходимости знания, ими, горского адата, Рашпиль был неголословен. Известно, что им был составлен первый свод адатов горских племен, которым он пользовался в общении с ними в соответствующих случаях, что повышало их уважение к нему. К сожалению, этот свод до нас не дошел. Это одно.

Второе - известно и то, что анализируя в 1847 году представленный проект учебного плана и программы будущей мужской гимназии, он внес в него пункт, требующий изучения учащимися разговорного черкесского языка, с мотивировкой, делающей его нашим современником: "Это необходимо утверждал он потому, что каждому приходится встречаться с черкессами. Полезно в военном, административном, торговом, общежительном и других отношениях".

Успех первой екатеринодарской ярмарки и всех последующих, узаконение "Положением" и правилами для меновой торговли с горцами новых форм и порядка ее проведения, мы рассматриваем как торжество рашпилевской концепции путем сближения России с горскими народами Северо-Западного Кавказа.

Однако, довести начатое им дело Рашпиль так и не удалось. Завершено было в 1860 году, начальником штаба войск правого крыла Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант Г.И.Филипсон. Своим предписанием от 23 марта 1860 г. наказному атаману Черноморского казачьего войска генерал-лейтенанту Л.И.Кусакову, он поставил: " .. Торговля покорных горцев должна быть совершенно свободной, т.е. она может производиться на мену товаров, на соль или на чистые деньги во все дни недели. И даже, всем покорным туземцам дозволяется свободно ездить для торговли в ближайшие наши станицы и укрепления, а далее внутрь наших пределов не иначе как с билетом своего ближайшего начальника, данными не более как на один месяц и без оружия".

Такой поворот событий объясняется тем, что осенью 1852 года, 52 лет от роду, генерал-лейтенант Г.А.Рашпиль, полный физических и духовных сил получил отставку, без объяснения причин. В 1856 году он был восстановлен на службе и откомандирован в Тифлис, в распоряжение штаба Отдельного Кавказского корпуса. 14 лет его жизни и службы в

Тифлисе покрыты мраком неизвестности. Известно, однако, что в 1870 г. Г. А. Рашпиль был уволен в отставку. На этот раз по выслуге лет и возрасту. В 1870 году Г. А. Рашпиль вернулся в Екатеринодар. Живу в одиночестве, страдаемый недугом и тоской по делу, от которого его незаслуженно отлучили. В 1871 г. он скончался. Прах Г. А. Рашпиля был погребен на Всехсвятском кладбище города Екатеринодара.

Ответ на естественно поставленный вопрос о причине отставки Г. А. Рашпиля содержится в реквиеме по Рашпилю в заключительной части биографического очерка И. Д. Пошки. Сожалея о преждевременном выбытии "из стадия, указанного ему добрым гением" и неувенчанного лаврами, Пошка пишет: "Но надобно вспомнить, что никто не был пророком в своем муравейнике и ни один новатор в обществе, постоенном в касту, сам прикованный на короткую сословную цепь в среде той же касты, не выходит цел из этой борьбы... Рашпиль был молотом окаменелости своего общества, боролся живосилом и, конечно мера его огорчений, вынесенных им из этой борьбы переполнилась. Он, неожиданно для друзей и недругов и на перекор своей трезвой натуре стал искать утешение в мутном фиале, отравившем не одно дарование, подорвавшим не одну силу на Руси... А может быть он просто утратил веру в свои силы, отчаялся дойти до правильного решения своей задачи, распутать гордиев узел современного устройства казачества".

М А Ш К О Д И Ч

Гинда Григорьевна

"ДОБРОСОВЕСТНЫМИ СВОИМИ ПОСТУПКАМИ..."

Под редакцией академика МАИ и АИП
В. Б. ВИНОГРАДОВА

Подписано в печать

01.12.94

Формат 60x84/16

Тираж 300 экз.

Объем 1,2 п.л.

Учебная литература